

Леонид Левинзон
ДВА РАССКАЗА

СВЕТОФОР

Черепашка живёт двести лет, ворон – триста. Дерево, к примеру, дуб, живёт полторы тысячи лет. Я тоже решил долго жить. Почитал литературу. Понял, что надо заняться медитацией, йогой, ходить пешком, кротко улыбаться. Спокойствие, только спокойствие. И никакого мяса. Или вообще только мясо. Хотя на этом месте мысли путаются. Может, кефирчик, да-да, кефирчик? Или всё-таки мясо? Или кефирчик? Кто-то за окном орёт. Вот выйду – убью сразу! Нет, не убью – некогда, надо медитировать.

– Я – дуб, я – дуб, я – дуб. Я орёл, орёл, то есть не орёл, а ворон.

Нет, ну как орёт. Вот собака! Сейчас выйду и тоже заорю! Я черепаха, я черепаха, черепаха... Я дуб. У дуба зелёные листья. Сейчас они опадут, я выйду и оборву листья с этого мудака тоже. Хотя лучше убить. Лишить хлорофилла.

Нет, прежде надо успокоиться. Найти единомышленников. Пожалуй, лучше всего медитировать, если ты буддист. Интересно, а бывают еврей-буддисты? Наверное, бывают. Доживу до завтра, пойду искать братьев. Как найду, начну с ними медитировать:

– Я дуб, я дуб, я дуб...

Нашёл. Очень даже рядом. Небольшая квартирка. В салоне на полу разложены коврики. На стене плакат с изображением восточного дядьки. Молодые мальчики и девочки, почтительно на него показывая, объясняют, что это Карнапа шестнадцатый. Ещё молодые мальчики и девочки говорят, что сегодня к ним прилетает странствующий учитель и мне очень повезло.

Учитель прилетел с любовницей. Любовницу отправил в народ на коврики, сам сел на стул. Снял носки и сказал трепетно внемлющим:

– Все религии ерунда. Бога нет, а есть Кармапа.

Покончив с теоретической частью, учитель впал в транс:

– Перед нами спущается золотистая прозрачная форма шестнадцатого Карнапы.

Чтобы ничего не видеть, в том числе и Карнапу, я закрыл глаза.

– Скрещённые у сердца, его руки держат колокольчик...

Какой у дуба колокольчик?

– Мы принимаем потоки света...

Если принимаем, то на какие чакры? Или это в йоге чакры, а не в буддизме?

– Мы вспоминаем о всеобщем непостоянстве...

Уж это точно.

– Из лба Кармапы излучается мощный прозрачно-белый свет...

Все вредные привычки и болезни исчезают...

Вот это мне и нужно.

– Из горла Кармапы излучается яркий красный свет...

Ну, пусть излучается. Согласен.

– Из сердечного центра Кармапы излучается интенсивный синий цвет...

И всё? Интересно, а почему нет зелёного? Какой же ты светорфор, если нет зелёного?

Я открыл глаза: все сидят на ковриках, что-то шепчут. Явно медитируют.

Ну хорошо, чёрт с вами, уговорили:

– Я дуб, я дуб, я дуб, я Карнапа, я настоящий дуб...

ЛАБОРАНТ

Мужчина, уже не очень молодой, неулыбчивый, полноватый, медленно, о чём-то раздумывая, подошёл к прилавку в аптеке.

– Дайте, пожалуйста, аспирина... – произнёс рассеянно.

– Скажите, – услышал, – а вы откуда?

Недоумённо ответил:

– Из Питера, а что?

– Да так, – пожала плечами девушка в белом халате и отвела глаза, – интересно.

– А вы? – помедлив, в свою очередь спросил мужчина.

– Из Минска, – легко ответила, – кстати, за аспирин пятнадцать шекелей.

И опять отвела глаза. Высокая, сероглазая, чуть скуластое лицо, русые волосы, завязанные сзади в пучок. Под белым халатом грудь. Не большая, не маленькая, средняя. Голос хороший.

Приходит мужчина и заказывает аспирин. Никуда не смотрит.

– Откуда вы?

– Из Минска.

Получив ответ, получив аспирин, мужчина отошёл от прилавка – большой суперфарм, работники скользят по начищенному полу – экономят на уборщицах, прохладный кондиционированный воздух, запах духов, ряды зубной пасты. О, зубная паста! О, белизность и розовость! Интересно, какие у неё соски?

Мужчина застыл и, выйдя из отрешённого состояния, сжал кулаки. Ему стало жарко.

– Со мной же хотели познакомиться! – вдруг понял. – Со мной хотели познакомиться!! А я?

Развернулся и пошёл обратно. Но в аптеке уже образовалась очередь. Ровно в затылок друг к другу стояли три эфиопа разной степени коричневости, пять русских в мятых костюмах, причём у одного был баян, шесть англичан, мурлыкающих старые ливерпульские песенки, и один очень маленький недовольный араб в белой куфие, белой одежде, чёрных сандалиях на босу ногу, задумчиво шевелящий для себя под куфией ушами. Все с рецептами.

Действительно, приходит человек и заказывает аспирин. А что такое аспирин? Обычная белая таблетка. Лучше бы по сторонам смотрел.

– Вот всегда я так... Не вовремя. Упускаю.

И девушка-фармацевт сердито работает, даёт пилюли. Настроение у неё изменилось. Не хочет поднимать глаза. Движения дерганые. Злится на себя, что попыталась.

Как-то мужчина стоял на перекрёстке в одном очень азиатском юго-восточном городе, и мимо сплошным потоком шли смуглые черноволосые люди, а вместе с ними приближалась светловолосая высокая девушка в юбочке и блузке. Поравнялась.

– Вы случайно не меня ждёте?

Мужчина растерянно сказал:

– Нет.

Он ведь действительно её не ждал. Он просто стоял в своей цветной рубашке и коротких пляжных шортах, не зная, куда идти в этой толчее.

– Вы случайно не меня ждёте?

– Нет.

Девушка задорно рассмеялась и пошла дальше. Потом оглянулась и помахала рукой. Конечно, надо было побежать, догнать, превратить всё в шутку, пригласить выпить горький кофе из маленьких чашечек, вдвоём съесть спайси-суп из осьминогов и кальмаров, взять по бокалу тёмного прохладного пива с накопившимися на поверхности медленно лопающимися пузырьками, показать ей, светловолосой, свой номер, где замученно стоит повывавший виды чемодан, шумит кондиционер и открыта дверь в ванную комнату с бесконечным кап-кап из прохудившегося крана. Но мужчина просто врос в асфальт на том перекрёстке, и, чтобы сдвинуть, его надо было вырывать с корнем.

– Вы случайно не меня ждёте?

– Вас, но я не умею открыть рот.

Девушка помедлила, решительно шагнула и затерялась. Пропала.

Дайте, дайте мне аспирин! У меня высокая температура, у меня не двигаются руки и ноги, я всё время опаздываю, безбожно запаздываю жить.

Рядом с суперфармом, где фармацевты аккуратно складывают в шкафчик использованные рецепты, находится больница, чтобы, если рецепт не помог, было куда забежать за помощью. В этой больнице с осыпающейся побелкой если миновать приёмный покой с усталыми медсёстрами и крикливыми интернами-врачами и спуститься в длинный подвал, то между канализационных и прочих труб обнаружится биохимическая лаборатория, в которой, незящно двигаясь между сложными машинами, работает он, тот самый опаздывающий, любимый сероглазой девушкой из аптеки. Днём работает, и ночью работает.

Ночь, улица, фонарь, девушка, аптека, больница... Дежурство. Вокруг никого. Машины, мурлыкая сцепившимися частями, делают анализы. Нет, он был дурак, есть дурак и будет дурак, а вокруг все сволочи. Это и так понятно, но ночью доходит до сердца. Почему днём не доходит? Днём им плотно женщина руководит – толстая такая, с оченй высшим образованием, и всё грызёт. Одиннадцать лет он работает, и одиннадцать лет она его грызёт.

– Алексей, – кричит визгливым голосом, – вы работаете без огонька! Алексей, вы почему, собственно? Алексей, встряхнитесь! Алексей, быстрее! Алексей, точнее! Алексей, я до сих пор жду вашей реакции...

– Да, госпожа профессор, сейчас, госпожа профессор. Госпожа профессор, я исправлюсь...

И его милостиво оставляют работать дальше с мурлыкающими машинами.

Два года назад начальница потеряла ребёнка. Была за границей на очередном симпозиуме, муж повёз ребёнка в школу и попал в автокатастрофу. Сам не получил ни царапины, а ребёнок погиб. Начальница вернулась с симпозиума прямо на кладбище, на которое пришли все её лаборанты и торжественно одетое по случаю начальство – один рыжий, один лысый и один безликий. Начальница в чёрном костюме, очень идущем к бледному лицу, захлёбывалась от плача, не забывая бормотать:

– О, какой коллектив! Как я тронута, господин распорядитель! В такой момент, господин заместитель! Я вам благодарна за поддержку, господин организатор!

Стоял февраль. Было ветрено, над кладбищем, подгоняемые холодным ветром, летели дымным рваньём облака, смешав слёзы, пролился дождь, табличка над свеженаброшенной землёй извещала: мальчик десяти лет закончил свою жизнь.

Через положенные дни, сцепив зубы, начальница появилась на работе, и все кругом солидно закивали:

– Сильная, собака. Молодец. Только так и надо. Не раскисла.

Через год начальница получила звание профессора.

– Алексей, вы опять?!

Да, опять. Алексей упрямо повторяет прежние ошибки, чтобы почувствовать, что остаётся хоть в малости самим собой. И смотрит в её глаза, пытаясь увидеть там что-то домашнее, человеческое. Пытается представить, как она варит обед, смотрит телевизор, делает мужу минет, плачет о потерянном ребёнке.

– Да, госпожа профессор, простите, госпожа профессор, госпожа профессор, вам чёрное к лицу.

Ночью, один, среди анализов и машин, с налитыми от усталости красными глазами. Уже шатает, и в этом есть особая сласть. Удовольствие устать, а потом медленно идти домой с чувством, что полностью прожил ночь. Вокруг лихорадочный огромный мир, в котором делаются великие дела. Берутся взятки, и какие взятки! Перекраиваются границы, расторгаются договоры, торжественно произносятся слова, запускаются ракеты, и каким-то загорелым, мускулистым, в цветастых трусах отдаются самые главные женщины. А он, невидный усталый дурак, всего лишь идёт с работы – никому ничего не должен. Заработал чуть-чуть и уехал в Азию. Почему в Азию? А из скромности. Если не умеешь завоевать беленькую из аптеки, приходится ехать и покупать смугленьких на улицах. Скромно покупать, тщательно считая мелочь в кармане. И расчётливо отрываться, не портя себе жизнь. Не умирая жёлтой ночью под чьим-то окном, не звоня по синему маленькому телефону, удивительно вмещающему в себя желанный голос, и бояться до слабости в коленях, до дрожи, что услышишь в нём ледяные нотки.

Не улыбаться, мечтая о той рыжей из новостей, она ещё играет на гитаре и задушевно поёт романсы. Лаборант так и представлял в своих грёзах, как просит её раздеться, встать на четвереньки,

раздвинуть половинки своей пышной высококультурной попы – и её же гитарой хлоп по этим половинкам. Струны зазвучат.

Сесть напротив этого ожидания, этого удивительного телевизора, и, глядя в него, запеть подрагивающим от возбуждения голосом: «Когда простым и нежным взором...»

Рыжая призывно качнёт замечательной попой, повернёт свою демократическую тщательно ухоженную голову и произнесёт в такт песне глубоким, очень глубоким чарующим контральто:

– Милый мой, ты где? Я жду...

«Веселья час и боль разлуки...»

Нет милого. Милый опять уехал и в одном из самых грязных жарких азиатских городов, где все торгуют презервативами, купил девятнадцатилетнюю девушку. Привёл в номер, в котором замученно стоит повидавший виды чемодан, шумит кондиционер и открыта дверь в ванную комнату с бесконечным кап-кап из прохудившегося крана.

– Сколько тебе лет, девочка?

– Девятнадцать.

Подростковое узкое тело, совсем неразвита грудь, тонкие руки, чёрненький трогательный пушок внизу, обрамляющий слабо розовую чуть приоткрытую раковину, откуда в будущем родятся смуглые тихие дети.

Девушка доверчиво прижимается, тихонько вздыхает и, не зная, как дальше, беспомощно спрашивает взглядом.

– Лежи, лежи, – покровительственно разрешает мужчина.

Со своим неспортивным телом, толстым животом, вместившим столько еды за прошедшие годы, он не торопится, осторожно обнимает, рассматривает, трогает, наконец, целует слабо отвечающие губы. Проникает. Отваливается. Но его рука ещё рассеянно касается девушки: притрагивается к щеке, соскам, к чернеющему внизу треугольнику. Девушка молчит, неслышно дыша. Тихая, тонкая, но жар будто от пухового одеяла. Так престарелый царь Солломон брал юных девушек, чтобы они согревали постель. И они лежали точно так же, испуганно сжавшись, не умея ни о чём говорить, одним своим присутствием возвращая царя к жизни.

Но он-то не царь, а самозванец. Не бизнесмен со множеством потайных карманов в тесных штанах на жирных ляжках, не политик с влажным причмокивающим ртом, не адвокат в костюме, скрывающем искривление позвоночника, а лаборант, и женщина с бульдожьим характером гавкает на него:

– Вы у меня попляшете, Алексей!

– Я уже пляшу, госпожа профессор, а в перерывах трахаю девятнадцатилетних.

Лаборант, у которого нет даже галстука и вся деятельность заключается в том, чтобы открывать пробки в пробирках и ставить эти пробирки в умные машины.

– Можно я пойду? – робко спрашивает девушка, и в её незамутнённых глазах ничего не отражается.

Он ещё раз проверяет, какая у неё грудь. Кладёт ладонь, ощущая тонкую горячую кожу – затаившаяся остаточная страсть.

– Иди.

Самое беспощадное – момент расставания. Ещё несколько часов назад они улыбались друг другу, шли в гостиницу, так или иначе были вместе. И вот – кончилось. Он отдал, девушка вобрала. И деньги. Несколько очень нужных бумажек перешли из рук в руки.

– Так, может, я пойду?

– Иди. Конечно, иди.

Всё.

Трогательно. Неловко. Навсегда.

Девушка начинает собираться. Одевает белые трусики, закрывая использованное интимное, продевает руки в бретельки лифчика. Зачем ей лифчик на такую маленькую грудь? Лифчик никак не застёгивается, и девушка просит застегнуть. Получает деньги, смущённо смотрит, хочет что-то сказать, но не решается и, чуть замешкавшись около двери, уходит. Лаборант ложится на смятую постель с отброшенным к краю кровати одеялом и смотрит в потолок – в душе пустота. Вот всегда – вспышка вождения, а потом пустота. Все эти девушки – как вода, которой невозможно напиться. Девушка уходит, ты остаёшься наедине с собой, и пустота внутри углубляется.

Да и сама чужая страна не даёт сытости. Как на перекрёстке: ты стоишь, кругом идут, в том числе и сквозь тебя. Разные мы обезьяны. Не только по цвету кожи. Шарик движется в пустоте.

Лаборант закладывает руки за голову, и его опять скручивает злость. Ведь когда сидел в баре, рядом танцевала именно та, которую он хотел – красивая, гибкая, с чёрными волосами и играющими под блузкой грудями. Он загляделся, и танцовщица, заметив, блеснула молодыми глазами.

– Купи мне дринк, а то сегодня жарко! Очень жарко! – подмигнула.

Внутри немедленно задрожало злое.

– Ещё чего! – отрывисто гавкнул. – Нашлась тоже! Не люблю, когда вымогают!

Танцовщица отшатнулась.

– Извини, извини... – защищающе выставила ладони.

И он взял эту, безответную. Второй женский сорт. Самое то для мужского второго сорта.

Нет, сил быть одному больше не было. Он вскочил и стал одеваться. Выбежал на улицу, немедленно окунувшую его в закрашивающую всё насыщенным чёрным азиатскую ночь. В ночи слышался смех, близко играла музыка, подвижные блёстки автомобилей искали дорогу. Впереди шли люди и выглядели такими счастливыми... Как они могут? Он заторопился, попытался примазаться, отстал.

– Зайдёте в мой ресторан? – услышал.

Обернулся – на ступеньках около вывески с рекламой шашлыков стоял молодой парень и улыбался.

– Зайдёте? У нас вкусно.

Лаборант посмотрел на часы.

– Зайду, – решил с заминкой, – пожалуй, да, зайду.

Поднялся по приглашающим ступенькам и огляделся – ресторан был сделан основательно: кражистые деревянные столы и такие же массивные стулья с высокими спинками, раскрашенная

фигура индейца с местным флагом. Цветочки на столах со сдавшимися, склонившимися к зелёным стебелькам бутончиками, еле слышная мелодия из семидесятых пытается создать настроение, экран телевизора с футболом – ноги, ноги, ноги....

– Что вам принести?

– Суп, только суп.

– Минуту, господин.

Он откинулся назад и поморщился – спинка стула была неудобной.

Когда лаборант летел сюда, в зале ожидания он обнаружил некое отграниченное пространство с приглушенным освещением и мягкими креслами, которые почему-то никто не занимал. Было направлено туда, но был остановлен служащей.

– Простите, это только для бизнес-класса.

– А может, я и есть бизнес-класс!

Служащая позволила себе лёгкую улыбку:

– Вряд ли.

– Ваш суп! – появившись, торжественно провозгласил официант.

В глубокой тарелке мясной, исходящий паром, со свежими листочками кинзы, суп выглядел очень привлекательно.

– Приятного аппетита, господин! – официант подчёркнуто вежливо поставил на стол хлеб в плетёнке.

Господин принялся за еду, медленно съел и откинулся назад.

– Вкусный суп! – съёл возможным похвалить.

Но деньги дал точно по ценнику. А как же иначе? Если уж не бизнес-класс, то и вести себя надо соответственно. Чтоб понимали... Очертить яростные границы.

Официант скосил глаз на протянутую купюру и позволил себе лёгкую улыбку.

– Да, вкусный.

Господина бросило в жар.

– Ишь, ещё и недоволен!

Резко поднялся и вышел, не прощаясь.

– Мусина... массаасс....

Около двери массажного салона женщина лет пятидесяти, чем-то неуловимым похожая на его начальницу, делала приглашающие знаки. Грубое лицо, толстый живот, короткие ноги.

– Массаж? Мужчина – массаж?

Он остановился. Домой возвращаться не хотелось, ночь была впереди, и чем-то надо было её занимать.

«Толстые – самые сильные, старые – самые опытные», – подумал, а вслух сказал:

– Мне нужен жёсткий массаж. Можете сделать?

– Смогу, – с готовностью согласилась массажистка.

Он, как принято в этой стране, снял на входе сандалии и, голыми ступнями ощущая прохладу пола, зашёл внутрь. Вслед за женщиной поднялся на второй этаж, в полумрак красного ночника. Пахло притираниями, на полу в ряд лежали матрасы, отделённые друг от друга занавесками.

– Раздевайтесь, – показала массажистка и задёрнула одну из занавесок. Вышла.

Он разделся и лёг.

– Сейчас попляшем, госпожа профессор... – потянулся всем телом.

– Так вы хотите всё-таки жёсткий массаж? – спросила ещё раз женщина, вернувшись с влажным и горячим полотенцем.

– Да.

Она села в ноги и, смятая мышцы шершавыми пальцами, стала глубоко массировать. Взмокший от напряжения, но с наслаждением отдающийся этому своеобразному болючему удовольствию, он лежал, закрыв глаза и чуть постанывая от особо сильных захватов. Массажистка перешла на спину. Потом спустилась обратно на ноги, попросила повернуться и неожиданно начала уделять особое внимание самому интимному месту на теле лежащего.

– Жёсткий массаж, говоришь? – спросила со смешком.

Тело реагировало должным образом, мужчина молчал, а женщина вдруг моляще попросила:

– Заплати мне, и я всё для тебя сделаю, я очень прошу. Мне очень важно, не тебе, а мне! Ну пожалуйста! Прошу тебя!!

Лаборант было хотел буркнуть заветное:

– Не люблю, когда вымогают...

Но, ошарашенный натиском, кивнул, соглашаясь.

Женщина буквально содрала с себя одежду, обнажив в больших складках живот, вялые распластанные груди и, разведя толстые короткие ноги, опустилась на него. Следующие несколько минут выпали из сознания, как раз до того момента, когда она издала такой крик, что, наверное, было слышно на улице. Вся мгновенно мокрая, упала и благодарно зашептала:

– Как я устала! Боже мой, я устала.

Целый день она одного за другим массировала туристических мужиков своими жёсткими пальцами и не уставала, а тут устала.

Закрыла лицо руками и тихонько засмеялась.

– Я тебя сразу заприметила, – вливался в уши счастливый шёпот, – всё гадала: зайдёт, не зайдёт, зайдёт, не зайдёт... зашёл! Надо же, зашёл!!

Едва не взлетающий от лёгкости, удерживаемый в правилах нахмуренного приличия лишь брюками, в карманах которых скопилось столько тяжёлой мелочи, он благостно зашлёпал вниз по прохладе лестницы к сбившимся в кучку её товаркам с недоумевающими взглядами. Горделиво спускавшаяся рядом женщина казалась помолодевшей на десять лет. Вышел за порог, и женщина, неожиданно опустившись на колени, начала надевать ему сандалии, придерживая и как бы дополнительно лаская в ладонях ступни. Медленно застегнула ремешки и с сожалением выпрямилась.

– Если нужен будет жёсткий массаж – приходи, – сказала севшим голосом, – я каждый день здесь.

Он молча кивнул и, развернувшись, пошёл к своей гостинице.

Зашёл в номер, где замученно стоит повывавший виды чемо-дан, шумит кондиционер и открыта дверь в ванную комнату с бесконечным кап-кап из прохудившегося крана. В который раз за такой длинный день разделся, лёг, подтащил к себе одеяло, накрылся им и попробовал заснуть. Но вот беда – опять не спалось. Со всем не спалось. Встал, включил свет и, вернувшись в кровать, по своей привычке заложил руки за голову.

– Как-то жизнь складывается... – лениво подумал. – Мне уже столько лет. Вернусь, и опять в подвал?

– Алексей, вы работаете без огонька! – вспомнил. – Я вернулась из Вены, а вы без огонька!

– Госпожа профессор, а не сделали бы вы мне массаж?

На самом деле мир безумен, и нормальному человеку в нём нет места. Бизнесмены, таксисты, политики, газетчики, чиновники... Все бегут, царапаются, лезут, боятся прогадать.... И меня тоже толкает вперёд – день, ещё день. Как собака Павлова, на одних рефлексах, думать некогда, настолько подхватывает общий ритм. А вываливаешься, когда неприятности. В прошлом апреле украли кредитку, полдня такие нервы.

Он раздражённо дёрнул головой: «Наедине с собой тоже ни о чём не думается. Отвык, разучился. Наконец-то без телевизора и компьютера, а толку. Только глупости в голову лезут. Кстати, о глупостях...»

Лаборант устроился поудобнее.

В последнее время он пристрастился смотреть старые порнофильмы. Всмотривался в лица этих тогда ещё молодых женщин, как они весело хвастаются своим телом, великолепно раздвигают ноги, принимают мужчин, подмигивают, наряжаются. Какие поразительные легковесные глупости, наполненные чувственностью и жаждой денег, показывали эти скандальные фильмы. И где всё? Умерли и скандалы, и эти женщины.

Господи, какие мы жалкие! И как всё по-человечески.

Перед его глазами прошла череда картинок из фильмов, и он неожиданно снова возбудился. Внутри нарастало томление...

«Гори, гори, моя звезда!» – восторженно запел.

Вспышка.

Перевёл дыхание: комната, смятое одеяло, потрёпанный чемодан, кап-кап из ванной комнаты. Серость. Опять серость. Ему ещё семь дней здесь находиться, не зная, куда себя деть. Потом лететь домой и опять жить, стоять в очереди за аспирином. Жить, жить, жить. Продлевать всеми силами, ходить в аптеку, глотать таблетки, смотреть на свои морщинистые руки, тяжело кашлять, лежать в больницах, с трудом подниматься с постели.

Ничего не хочу. И жарко. Кондиционер замолк. Надоело. Живите сами. Хватит.

Он встал, покопался в чемодане и пошёл в ванную. Срезал верёвку от занавески, сделал на ней петлю и закрепил конец верёвки на стенном крючке. Вспомнил женщин из порнофильмов.

– Так что вы делаете за кадром? Скоро узнаю.

Задумчиво посмотрел на себя в зеркало, провёл большим пальцем по щеке – небритый.

– Когда-то читал, – сказал вслух сам себе, – что казнь через повешенье есть величайшее половое удовольствие.

Надел петлю на шею и повис всей тяжестью. В последнее ещё осознанное мгновение его скрутила судорога невиданного оргазма.

И под ним, разбив корнями кафель плитки, выросла мандрагора.

Кап-кап.